

Подводя итог сказанному, следует признать, что перед нами действительно (как и задумано авторами – с. 5) “малая этимологическая энциклопедия” (с акцентом на *энциклопедия*), которая интересна не только обучающимся, но и этимологам-специалистам и может научить не только читать, понимать и оценивать этимологические словари (чего хотят авторы – с. 6), но также и заниматься этимологическими исследованиями с ориентацией на действительно научную теорию и методику.

Примечания

- ¹ Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule / Sest. František Kopečný. Praha, 1973; sv. 2. Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia / Sest. František Kopečný, Vladimír Šaur a Václav Polák. Praha, 1980.
- ² Варбот Ж.Ж. [Рец. на:] А. Erhart, R. Večerka. Úvod do etymologie (Pro bohemisty i ostatní lingvisty). Brno, 1975 (ofsetový tisk) // Этимология. 1977. М., 1979, с.174–177.
- ³ Варбот Ж.Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 88.
- ⁴ Malkiel J. Etymology and the Structure of Word Families // Word. V. 10. № 2–3. 1954.

Ж.Ж. Варбот

Л.П. Дронова. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Изд. Томского университета, 2006. 254 с.

Рассматриваемая работа своевременна и современна. Ее своевременность определяется выбором в качестве объекта исследования лексики, выражающей в русском языке категории оценочности и модальности. Эта лексико-семантическая группа, как и соответствующие категории, неоднократно исследовалась в последние десятилетия в различном объеме, в теоретическом плане, в современном состоянии русского языка, особенно внимательно – в истории древнерусского и старорусского языка, не говоря уже о толковании этой лексики в этимологических словарях, так что определенно сложились благоприятные условия для сведения воедино и критического обобщения полученных результатов, а также выработки комплексного подхода как к теоретическим проблемам дифференциации, соотношения и потенциальных исторических связей различных видов модальности и оценочности, так и к истории формирования и изменения собственно лексической группы. На решение этих задач и ориентировано рецензируемое исследование, осуществляемое

современными методами диахронического и синхронного анализа, с особым вниманием к уяснению этно-культурных исторических условий формирования лексики.

Книга состоит из “Введения”, двух разделов, “Заключения” и списка сокращений (к сожалению, они не сопровождаются библиографией и указателем рассмотренных слов, последний был бы особенно полезен читателям).

В очень кратком “Введении” (с. 4–16) рассматриваются, с учетом предшествующих исследований, специфика и проблематика изучения категорий оценочности и модальности, обосновывается правомерность толкования оценочности как вида модальности, излагаются авторские методические принципы, при этом акцентируются полезность и даже необходимость синхронного семантического анализа для реконструкции семантического развития лексем и мотивационных моделей, а также доказательность соответствующих реконструкций лишь при условии анализа слова в составе этимологического гнезда. Формирование лексики поля автор органически связывает с культурно-историческими условиями и считает необходимым его толкование в когнитивном плане. Соответственно цель работы автор определяет как исследование проблемы “становления (истоки, особенности) этноспецифичной когнитивной модели аксиологической и предметной модальности в ее лексической представленности в истории русского языка” (с. 16). Следует заметить, что “история русского языка” понимается в работе расширенно: в исследование включаются лексемы, известные русскому языку в его истории, независимо от их генетико-диахронических характеристик, соответственно и праславянские, и потенциально праиндоевропейские, и заимствования.

Два основных раздела посвящены соответственно категориям оценочности – раздел I “Аксиологическая модальность: история становления и особенности эволюции ценностной картины мира древнерусской этнокультурной общности как части славянского мира” (с. 17–169), и другим видам модальности – раздел II “Другие модальности, близкие оценочной: история становления и особенности эволюции в зеркале истории языка” (с. 171–248). Оба раздела структурированы однотипно: каждый состоит из нескольких глав, в которых рассматривается формирование лексики с семантикой определенного вида модальности; каждая глава (кроме 1 главы I раздела) состоит из этюдов, анализирующих отдельные лексемы; для каждой лексемы определяется современная и историческая семантика, гнездовое окружение в русском, славянских и индоевропейских языках (разумеется, при наличии такового), анализируются ареальные характеристики, этимологические истоки, рассматриваются существующие этимологические толкования, а затем предлагается разработка авторской версии относительно хронологической характеристики лексемы, ее семантического моделирования (и происхождения) в связи с определенными культурно-историческими обстоя-

ятельницами. Каждая глава и раздел завершаются обобщением мотивационных моделей, определивших формирование лексики с семантикой соответствующего вида модальности, их исторической стабильности/изменчивости, этно-культурной и когнитивной значимости.

Работа опирается на колоссальный массив исследований по категориям оценочности и модальности, по этимологии, семантике, этнолингвистике, истории и археологии славян и индоевропейцев, по истории соответствующей лексики в древнерусский, старорусский периоды и ее семантические исследования в современном русском языке.

В связи с особой существенностью для автора определения этнокультурно-исторических условий формирования лексического выражения оценочно-модальных категорий и их когнитивного истолкования, следует отметить непосредственную теоретическую и историческую базу авторских толкований – убежденность в существенной роли заимствований и субстратно-суперстратных явлений в истории славянского лексикона, особенно в последние века до н.э. и в первое тысячелетие н.э. в условиях черняховской культуры, которую автор, вслед за В.В. Седовым, рассматривает как симбиоз славянской и иранской культур, с признанием реальности существенного вмешательства элементов кельтской культуры. При нерешенности проблем прародины славян и путей их миграций эта убежденность в надежности одной точки зрения предопределяет спорность некоторых авторских толкований.

Как уже было отмечено выше, 1 глава I раздела работы – «Модально-оценочная лексика как отражение базовой оппозиции “свой–чужой”» – отличается от прочих глав по структуре, что определяется спецификой соответствующего материала: при всей значимости данной оппозиции для древнейшей культуры индоевропейцев (и, возможно, праславян), ее лексическое отражение в формировании категории оценочности слишком скудно (**sz-* как первый компонент нескольких сложений > префикс), так что логично заключение автора: “для нашего же исследования это возможно предыстория” (с. 26). Существенно, однако, что эта мотивационная модель не возобновляется в более поздней славянской и русской лексике, что, кажется, противоречит признанию существенности оппозиции “свой – чужой” для праславянского.

Во 2-й главе I раздела, посвященной выражению общей положительной оценки, рассматриваются следующие слова: *добрый, годный, благой, лѣпный, ладный, красный, хороший*; в 3-й главе, посвященной общей отрицательной оценке, – слова *злой, худой, лихой, дурной, плохой, лютый, лохий*. Почти все этиюды об отдельных словах содержат обширный материал и интересные семантические наблюдения, соотносенные с этно-культурно-историческим фоном, что часто дает дополнительное обоснование существующих толкований, иногда аргументирует новые решения и всегда, даже независимо от потенциальных возражений против последних, очень ценно познавательно и побуждает к дальнейшим поискам. Например, интересна гипотеза о заимствованном (кельтском)

происхождении лат. *faber* ‘ремесленник’ и арм. *darbin* ‘кузнец’ (с. 38–39, этюд о *добрый*), с подтверждением возможности исходного производственного значения производящего корня. Кстати, модель производственной мотивации (соответствия правилу, норме создания предмета) наиболее вероятна и для *леньый* (см. ниже), при вторичности эстетической семантики, которую автор считает первичной мотивацией (с. 84).

Детальный анализ материала гнезда *дур-*, с особенно доказательным сравнением сочетаемостного потенциала *дурной*, *лихой* и *худой*, в целом хорошо обосновывает предпочтение автором версии происхождения **dur-* из гнезда **duti*. Интересно предположение о социально-исторической обусловленности развития у этого прилагательного в русском языке отрицательного общеоценочного значения (с. 149: XVI век, время Ивана Грозного, борьба с боярской “вольницей”). Однако весомость отмеченного автором параллелизма с отрицательной оценочностью *гордый* уменьшается вследствие вероятной первичности для последнего прилагательного семантики ритуальной изуродованности, растерзанности (в похоронном обряде)¹.

Семантический анализ материала, особенно диалектного, гнезда *плохой* совершенно убеждает в реальности версии польского заимствования (с. 154).

Интересным, заслуживающим дальнейшей разработки представляется авторский вариант решения о происхождении слова *лоший* – сближение с осет. *lax*, имеющим в сложениях семантику *‘гадкий, дурной’ (с. 165).

В очень многосторонне-содержательном этюде о семантике продолжений праслав. **bolgъ* в **древнерусском** и **русском** не следовало опираться на сложения, являющиеся кальками в старославянском с последующим заимствованием в древнерусский (см. *благовольть*, *благодарить*, *благоразумный* и под., с. 53), а для исследования праслав. **bolgъ* большего внимания заслуживают скудные данные западнославянских языков. При наличии специфической семантики *blag* ‘сладкий’ в южнославянских языках очень существенны наблюдения о связи семантики общей положительной оценки с семантикой сладости в иранских языках. Весьма привлекательна мысль о связи семантики положительной оценки слав. **bolgъ* с сакральной сферой, но эта связь представляется, вопреки мнению автора (с. 66–67, 76) первичной по отношению к ‘сладкий’, что определило и широкое использование **bolgъ* в христианской терминологии, и развитие в народной речи негативно-оценочного значения (ср. семантическую сложность истории *юродивый*). Аргументация нереальности развития значения ‘хороший, добрый’ → ‘жирный’ → ‘сладкий’ типологией (с. 66) не представляется убедительной: ср. **žiti* → **žirъ* и другие случаи развития значения от общего к конкретному. Первичность семантики ‘хороший’ по отношению к ‘сладкий, жирный, скромный’ предполагается и в недавнем диссертационном исследовании этой лексики². Авторская гипотеза о заимствовании слав. **bolgъ* из

кельтского (с. 70–71) фонетически уязвима: для последующих продолжений в славянских языках необходима именно такая исходная форма, а предполагаемая автором исходная форма, производная от и.-е. **melg-*, могла приобрести в кельтском *b* только в структуре *mleg-* > *bleg-*; вокализм также не согласуется; предполагаемая комбинация кельтского заимствования с иранским семантическим воздействием (с. 68) более чем гипотетична.

Чрезвычайный интерес в семантическом и историко-культурном планах представляет раздел, посвященный гнезду *krasa*. На весьма тщательный обзор и анализ существующих версий происхождения этого трудного гнезда автор “наращивает” очень познавательный-привлекательный материал иранских языков, подтверждающий связи значений ‘вид’, ‘цвет’ и ‘красота’, типологические данные о связи отдельных цветов спектра и понятия цвета, что при учете относительного формального схождения славянской и иранских лексем позволяет автору видеть в славянской лексеме “результат славяно-иранских культурно-языковых отношений” (с. 100). Гипотеза весьма привлекательна, однако допускаемое при этом семантическое развитие ‘цвет (цветность, разноцветность)’ → ‘красота’ при последующем ‘красота’ → ‘красный’ (в русском языке) (с. 105), смущает своей закольцованностью, особенно при отсутствии семантики цветообозначений в западнославянских языках. Представляется, что используемая в значительной степени как опорная для автора версия С.М. Толстой об органичности для **krasa* семантики жизненной силы (эта версия изложена в работе) могла бы быть продолжена, усилена и развита в другом направлении – как гипотеза семантики созидания → совершенства соединением с версией о происхождении **krasa* из гнезда **kresati* (с принятием для последнего первичности семантики ‘бить, рубить’). Ср. вторичность цветовой семантики в гнезде и.-е. **peik-* (с. 102) и русск. *резкий цвет, резать глаза*. См. также выше о производственных истоках семантики положительной оценки в *добрый* и *лѣный*.

Для прилагательного *хороший* автор принимает авторитетное толкование этого слова как иранского заимствования в значительно семантически уточненной В.И. Абаевым версии, но все-таки не могу не обратить внимание на некоторое противоречие между предполагаемой в иранском источнике общеоценочной семантикой и явной первичностью на русской почве лишь внешней характеристики³.

Семантический анализ, составляющий основное содержание исследования, базируется, как уже отмечалось выше, на сопоставлении анализируемых лексем со всем лексическим наполнением этимологических гнезд. Однако обнаруживается недостаток внимания к определению словообразовательных связей и направления сопутствующих семантических изменений внутри гнезд, особенно других славянских языков. Так, в этюде о *добрый* обзор значений, представленных в инославянских соответствиях, был бы более весом и полезен для определения границ исходного синкретизма семантики при сопутствующем последователь-

ном анализе развития этих значений в каждом языке (впрочем, это касается и всех прочих сводок значений).

В разделе о **godъn-* попытки определения производящей основы всего гнезда на собственно праславянском уровне (при индоевропейских соответствиях!) привели к противоречию: ср. “все это подталкивает к мысли об изначальности производящего имени” (с. 44) и “отглагольное образование **godъ*” (с. 48).

В весьма уязвимой реконструкции семантической модели **lěpъjь* (см. выше) также отразился недостаток внимания к внутрignetовому анализу: различие в значениях **lěpiti* I ‘лепить, клеить’ и **lěpiti* II ‘украшать’ – это не “нарушение мотивационных связей” (с. 82–83), а следствие различных словообразовательных актов, поскольку **lěpiti* I – производное от **lьpěti*, а **lěpiti* II – от **lěpъ*. Далее, в семантике гнезда отчетлива ремесленная составляющая – лепки посуды⁴, что дает основания предполагать в основе оценочной и эстетической семантики производного прилагательного **lěpъjь* мотив соответствия правилу, норме создания изделия, качества изделия. Подтверждающими параллелями являются как раз упоминаемые автором др.-русск. *оутварь*, *строи*, а также предполагаемая для **dobъ* исходная производственная основа. При мотивационной модели соответствия норме устраняется основание для авторской гипотезы о развитии в этом прилагательном модальности долженствования под греческим влиянием (с. 81): ср. аналогичное развитие в *не гоже*, *не следует*.

В этюде о *ладный* неприятная небрежность: используется неприемлемая праславянская реконструкция **ladnъjь* (с. 84 и далее).

Выводы двух глав I раздела, посвященных лексике с семантикой общей положительной и общей отрицательной оценочности, содержат убедительное обобщение относительно ареальных и хронологических характеристик лексики и, что представляет, на мой взгляд, наибольшую ценность, относительно семантического моделирования двух категорий: для категории положительной оценочности определяется преобладание мотивационной модели соответствия (мере или требованиям) и модели эстетического качества; для выражения общей отрицательной оценочности как базовый определяется мотив отклонения от нормы. Таким образом, обнаруживается мотивационная симметрия в выражении общей положительной и общей отрицательной оценочности (соотнесение с нормой), что весьма доказательно и примечательно в когнитивном плане. Есть общее и в ареальных характеристиках лексики с семантикой общей положительной и общей отрицательной оценочности: для обоих видов оценочности отмечается типологическое схождение на праязыковом уровне славянских и германских языков.

В 1-й главе II раздела, посвященной модальности необходимости/долженствования, рассматриваются следующие слова: *подобати*, *достойти*, *лѣно*, *годитися*, *довлети*, *неволя*, *имети*, *должно*, *должен*, *нужно*, *повинень*, *трьбѣ*, *потрьбно*, *потрьба*, *надлежит*, *необходимо*,

следует, обязан. Уже из этого перечня очевидна непосредственная зависимость формирования модальности необходимости/долженствования от категории положительной оценки при участии этического фактора. В роли других источников моделирования необходимости/долженствования убедительно определяются принуждение, внутренняя потребность субъекта и возмещение долга, прослеживается развитие исходной семантики объективной и внутренней необходимости, при реальности в некоторых случаях синкретизма мотивов возможности и внутренней необходимости (ситуация др.-русск. *имѣти*, с. 310–311 и 330).

Очень основателен анализ происхождения праслав. **dьlgъ* с возвращением к отвергнутой Фасмером и Славским идее Янко о заимствовании славянского слова из кельтского (с. 304–305). Автор аргументирует эту версию изолированностью слова в славянских языках (при наличии целого производящего гнезда в кельтских языках) и реальностью славяно-кельтских контактов. Правда, изолированность далеко не обязательно является следствием заимствованного происхождения (ср. *крыло* в русском языке), но культурно-историческая аргументация, ее тщательная разработка автором заслуживает внимания. Однако в структуре предполагаемого родственного окружения для **dьlgъ* обнаруживаются генетически несовместимые рус. *делить, доля*, лит. *dalyti* (с. 202).

В разделе, посвященном *достойти*, следует отметить объяснение развития семантического компонента ‘цена’ (ср. мнение О.Н. Трубачева об органичности этой семантики слав. **stojiti*⁵). Но в составлении инославянского окружения следовало проявить некоторую осмотрительность, а именно – учесть преобладающую реконструкцию иног (вне связи со **stojati*, как на с. 182) происхождения болг. *dosta*, словен. *dosta* – **dosъть*, лишь с допущением позднейшего сближения со **stojati* (см. БЕР 1, 415; Snoj 99; Rejzek 141).

Развитие новой семантики долженствования у глагола *следует* (с. 217), кажется, вписывается в старую модель соответствия норме, образцу.

Глава 2 “Модальность возможности и желательности” содержит анализ группы лексем, выражающих возможность: *мочь, дерзнуть, сметь, готов* (и нек. др.), и группы лексем, выражающих модальность желательности: др.-русск. *хотѣти, желати, жадати, волити, изволити, мыслити, тщатися, покушатися, искати*. Определяются модели мотивации возможности присутствием физической или духовной силы, стремления. Именно в этой главе особенно ясно обнаруживается связь различных категорий оценочности и модальности (возможности, необходимости, желательности).

Анализ лексики отдельных групп характеризуется обычной для автора тщательностью. Например, весьма реально реконструкция семантического сближения и даже слияния *желеть* и *жалеть*, спровоцированного прежде всего паронимией (с. 241–243).

Итоги исследования представлены в “Заключении” (с. 249–251).

Как следует из сказанного выше, рецензируемая работа, ориентированная на реконструкцию истоков, условий формирования и истории лексико-семантического поля оценочно-модальной лексики русского языка, содержит анализ огромного лексического материала русского языка в славянском и индоевропейском лексическом окружении, с пристальным вниманием к этно-культурно-историческим обстоятельствам, семантическому и когнитивному анализу. Основательность исследования сообщает несомненный значительный научный интерес и ценность полученным результатам, из которых следует отметить новое обоснование существующих этимологических решений и предложение ряда новых гипотез, определение мотивационных моделей лексических средств выражения оценочности и модальности, начиная с праславянского периода и вплоть до современного русского языка, с реконструкцией их культурно-исторических и когнитивных оснований, определение значительной степени устойчивости этих моделей в истории языка, определение внутриславянских (преимущественно восточно-западнославянских) и индоевропейских (славяно-балто-германских) изоглосс, разработку гипотез о роли субстратных процессов (в ареале предполагаемого симбиоза с кельтами и иранцами) в формировании этой лексики.

Примечания

¹ См. Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. XVII // *Этимология* 1988–1990. М., 1992, 55–57.

² Якушкина Е.И. Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2003.

³ Варбот Ж.Ж. Славянские этимологии (**opoka*; **nadovъsъ* и **nadovъsъnъ*; **žežель*; **kobica*, **zakobель* и др.; **xorošъjъ* и **xorxoriti se*) // *Этимология* 1979. М., 1981, 37–42 (к сожалению, Л.П. Дроновой учтена лишь краткая версия этой статьи в популярном журнале).

⁴ Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 188.

⁵ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991, 188.

Ж.Ж. Варбот

Нѣдѣ́ ма́насѣ. Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л.Г. Герценберга / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005.

Сборник статей, посвященный 70-летию со дня рождения проф. Л.Г. Герценберга, очень разнообразен и интересен как для индоевропейцев, так и для этимологов.

Сразу же отмечу удобство пользования книгой, снабженной добротными словоуказателями, похвальную работу редакторов и корректоров